

Константин Кадаш
Kundskabens træ iii

(для Лисицы и облаков)

Константин Кадаш
Kundskabens træ iii. 2015

«Издательские решения»

Кадаш К.

Kundskabens træ iii. 2015 / К. Кадаш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749009-6

Некоторое количество неидиоматических импровизаций для карманной трубы, написанных ощупью и с изнанки. Для заплутавших в географии и кодах, которых, возможно, не существовало вовсе.

ISBN 978-5-44-749009-6

© Кадаш К.
© Издательские решения

Содержание

[Enfaldig sång om inte återvänder]	6
[отступные]	7
[на выдохе]	8
[говорение о непостижимости гражданской совести]	9
[радуга]	10
[черный прямоугольник на сером фоне]	11
[Богоматерь песка]	12
[причины и следствия/забвение языка]	13
[узнавал...]	14
[первая вариация для альтя]	15
[...]	16
[Вихрь хунвейбин]	17
[...и песни белых китов]	18
(наброска)	18
[Kundskabens træ iii]	20
[ta världen på lån]	21
[En Annan Morgon Raga]	22
[ведомость учета ландшафтов]	23
[...]	24
[оратория мерзнущих мочек]	25
[наброски к тезисам об озимых и животноводстве]	26
[палестинская бородатая рыбина или черные полковники на папертях]	27
[man among the ruins]	28
[диптих для школьной тетрадки]	29
[рага попутного ветра]	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Kundskabens træ iii 2015

Константин Кадаш

© Константин Кадаш, 2016

© Екатерина Гераскина, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[Enfaldig sång om inte återvänder]

в две трубы медные – по небу, с обратной,
тыльной стороны недоверия
мы разбираем разности,
сами окрыленные,
с ногтями плоскими и
в перьях.
ты —
с края раями медоносными мазанного,
я —
с игольного ушка через которое ни черту,
ни
ангелу.
отставаясь к каждому встречному, скорее,
случайными,
и,
всего чаще,
напрасными.

[отступные]

непутёвое множество сно-
видал,
сам говорил под нос: эка невидаль.
если частое полунное сечение обрывается на полуслове,
если не-ба позолота оплывает оловом,
и твои оловянные солдатики маршируют строем
по роговеющему месяцу... если
отозваться не эхом, но
выстрелом, в этой
песне
станет больше прорешек, в которые:
грошиком – в землю, семечком —
в пашню, лакмусовой бумажкой – в
черничные пятнышки,
расплывающиеся с каждым ударом
сердешным.
окажись здесь вещим, вешним,
нездешним,
рая отщипни
кусочек украдкой,
запиши в тетрадку:
жил.

[на выдохе]

с чьей подачи страх – бел,
чем смертен?...
(так в фильме скверном:
в сквере
мелом
обвести тело...)
с чьих слов мир сед и болен,
и по какому праву – ваш?
я волен
расписаться в этой пустоте,
все знаки
распознать/не выжечь
на кости,
на коже.
но блажь
подобия
защита с детства
в мозжечке...
«убий», не заповедь, зачин,
и евхаристия – задел,
пролог к очередному «да укради».
я-вечность бога ради
из ледяных твоих творил
очередного человека.
века.
и не успел.

[говорение о нестижимости гражданской совести]

а человек был чобатый и —
с комарами на пузе,
ротозей,
вызревал в каждое крохотное, толченное,
как одуванчик – в асфальта трещины.
кроткие кургузые лепесточки токал:
цок-цок, словно
копытками ослик.
дальше: лишь волглая пашенка
порастала мундирами, шлемами.
так космические лоботрясы
потрясали дубинками,
клокотали, катались
и – до слепоты – ярое солнышко
с ладоней высматривали.
мы были белы и пострелы...
пока бесцветный пан феней лопотал,
сонливые птицы обессути
ютились на раскидистых ветвях
беспородных елей,
елеем мазанных,
холодом взлелеянных;
вестимые вестники нашего
ненаглядного, пущего
осмысла.

[радуга]

для непутевых, путейных, питейных прогнозов —
новая радуга, переломленная через колено;
да, дня говор с моих слов передан верно,
до каждого нового трамвая донесен,
бегущего по кольцу от бульваров к сердцевине
изжеванного ситцевого платица бессловесной алисы,
свернувшейся комочком в чащобах своего зазеркалья,
лишенного заповедной заветности, выморочной праведности.
ты только дождись, дождись: дождей, снега, мороза,
всякой другой ненаглядной былинной х..ни,
заштопай победные дыры выходного своего мундира,
задуши в себе люто и чортом, и малютками его.
тогда и выдохнем легко и свободно,
тогда и покатаемся колечком золотистым к солнышку в горницу
от самого своего крылечка кособокого,
от смешливого заупокойного детства. прочь.

[черный прямоугольник на сером фоне]

путеводные костры
расхристанные, христовые,
как на расчерченной намертво дощечке
имени своего каракули вывести;

сушеные каракумы жевал,
сплевывал лихо сквозь зубы, дурень,
а все-все пушки/ружьишки/танчики
ветром взъерошило, и понесло

стаей воробьиной над лесами-полями-весями,
змеем развеселым бумажным над куполами,
над маковками, под ногами твоими,
широкой походке сватанными.

и было оружие словом, а слово было
как слава,
как колокол,
как легкое покалывание в сердце на выдохе,

когда от алого к букварю ниточка протянута,
когда в одеяле – дырочка-морока,
в которой – пальчики в кулачки и – инеем.
и если ты не достаемшь ногами

до спасительной голой веточки,
дождись меня, дружок,
повиси еще вечность-другую,
все тут будем, одним словом – навьлет.

[Богоматерь песка]

Ритуалы необъяснимого:
Голые короли рисующие по коже стилем
Нежность;
Настырная педерастия и гомогенность
Неуемного распада:
Сквозь темень и бездонность-
Свет и серп.
И легковесное отчаянье утраты ада.
Всё – человечность,
Всяк – человек.
И каждый
Заключен в святость и телесность нисхожденья
К бездушным небесам.
Распятыя, жертвенность, разлад,
Судья которым —
Сам,
Пустыни ищущий
В избытке сада.

[причины и следствия/забвение языка]

Дни настали и схлынули,
К осени запылились,
Городом впроголодь исхлестали
Ребра, ладони, губы.
И
Каждый
Глаза прищуром роптал,
Меняясь в лице, маясь
Вопросом, голосом, кризом,
Седея волосом, а
Толстобрюхие вприсядку
Твари,
Голохвостые
– крысы —
В подполе словарь
Обгрызли.
И ничего не случилось

[узнавал...]

Узнавал небо на ощупь:
Все-все ложбинки, изгибы, формы —
От граней отступления/разрывы.
Не видел солнца. Пальцем
Касался, обжигаясь, края;
Не ведал рая,
лебедой незрячесть правил,
Пока не стал молчанием,
Пока не обернулся —
Пылью,
Укрывшей кости бога.

Когда над солнцем занялась заря немых,
В бумажной кроне птицы стали.

[первая вариация для альты]

Следы читают меня со стоп,
с изнанки,
где колос,
прорастающий в зерно, себя собою дарит...
чаще к вопросу склонен голос,
чем ум —
чему меня учить, когда ты
шаг за шагом отступаешь к океану,
оступаясь, остужая
пространство отражений,
движений от, движений по.
Не человек, но птица
с асфальта поднимает стебель, тень,
прячет в карман.
И говорит, частит, срывается на крик,
но не исходит звука

[...]

мой черный человек с бледными волосами не прячет лица,
перед сном не укутывается в плед.
читает лишние книги с конца,
к обеду покидает планету,
прихватив от бед оберег —
игрушечного кита,
опоясанного усом, кусок плащаницы,
рукопожатие, реку.
за ним – дым, там, пустые обиды...
к черту планеты, звезды, болиды.
с ампутированной душой инвалиды —
мы – отступаем от края обрыва, помня черты,
осцилляцию пульса,
во рту привкус свинца.
(но даже такое сердце биться
не переставало)...
после, лелея нарывы,
справа-
налево пунктиром
вести по каса-
тельной к телу ладони, пальцев
кроткое посягательство.
каждый не палач, но,
в лучшем случае,
жертва
обстоятельства.
в той или иной.
вброд по дороге от/до_мой
до нитки промокнув в недвижной реке,
выползаю к красной строке,
ничей человек, оброненной тобой.

[Вихрь хунвейбин]

берег крут раскатистый
как поросль неба в пере змея, когда
к звездам, к брови, к паперти,
и – падающие капли
не уместить в ладони майской
серый глазом, без берега
в буйном боевом океане
буйным
берегом под беды боем
чучелом конька-горбунка – к ковчегам
кочегаром – к звездам
красным
над пегой ломанной горизонта
над безмерной алой
под радугой революций
в малом – комком земляным, коlobком
глиной вылепленным, чадным, вечным
разным
был буй жаром обуянный несносный
падал со скатерти папиросным
огарком о/границы берег, хранил
и в памяти таял-таял
без лепестка, без корня,

а к утру – стихло всё

[...и песни белых китов]

(наброска)

Великое смирение берет начало от великого греха,
От введения к искушению.

Ловчий ветра рассматривает рельеф потолка
Камеры добровольного одиночного заключения

Где-то на задворках вселенной, в летнем дворце
Глашатая смерти и зачинателя милосердия.
Он уже стар, слаб, наг. Точнее – в одном шутовском колпаке
И в тапках на ногу босу и неверно поправшую тверди,

Как наверху, так и – под землей, там, где костями играет Лета.
Вот только лодки как не было, так и нет.
И в лачуге смирения зима собою сменяет лето,
В и без того тусклой лампочке неспешно меркнет свет.

Ожидание смерти – ничто прежде сонма вещей,
К примеру, уныния, жажды прощения и исхода.
Ловчий ветра, погрязнув в теле и в тени, за тем и за ней
Не усматривая в себе человека,
в этой вечности заперт, бездушен, богоподобен, зверея от года
к году.

Дворец обветшал: позолота, лепнина, резьба по кости и плоти
живой
Полнит пространства лишенное площади, стен, пола;
Что горит – сожжено, что все еще живо – лживо в своей полноте.
Снова
За дверью в небо картечью палит безликий звездный конвой.

Из колыбели, лежанки, ступеней, дверей, выпростанных лет,
Из того, что когда-то хранило свет и цвело,
Собран нехитрый ковчег.
Монетку вложив под язык,
Ловчий ветра закуривает и берет в руки весло.

Выгорел. Равнодушие разъело плоть, что твой яд,
Здесь не возможно ни пробы взять, ни поставить точки.
Клоуны и палачи, тени, сменяя друг друга шаг в шаг подряд
Плетутся вдоль берега, нащупывая брод, наугад,
И – безмолвные – тонут
_____ прочерк

Повторение фарса по сути – тот же акт
Со-творения лжи, но с изнанки вдоха
Ловчий ветра не верит ни в рай, ни в ад.
Только в плотность воды и невозможность бога.

[Kundskabens træ iii]

Теперь отходим от обочины, глаза закрыты:
Читать бездорожье по теням следов,
Когда чуждое копошение ветра складывается радугой
Лунной, и невнятица голосов ваших, дорогие мои мертвые,
Посыпает песком ладони —
Птичьи – повернутые к небу и
Почернелые, как заглавные буквы в моём букваре
(молчаливое сердце, скользящее над крышами
С востока – на запад нечетным созвездием,
Гордыни несобранная головоломка, тем числам
Девяностотретий – год от
Лакуны, в которой дремлет рыба)
И, пользуясь случаем, я бы хотел
Передать привет тебе, дружище:
У нас здесь почти что зима, качели,
Бесконечные твои холмы, как прежде, тянутся в небо,
Верят крыльям, быстроногие.
И юный Альберт все также марширует святым своим шагом
По-над кроной
В город, которого не стало.

[ta världen på lån]

Старый медведь
гонит прочь от себя сон;
когда первый снег
наносит мелом слепые пятна
на стекла, он
считает звездных китов,
подбирает оброненные
листья.
Ты никогда-никогда не видел гор осенью, ты
никогда не слышал, как стонет буря —
закачай в свой уютный мирок мой архив пустоты,
зашифруй мою скоропись детской азбукой,
где не осталось согласных, и мы
с тобой полны звезд...
придуманные медвежата млечного пути,
пойманные в силки собственного безволия, считаем
волоски на затылке старой обезьяны:
то, что было безумием – было,
с нами случалось, дрожало на этих ветвях и
опадало с ветром (смотри на кончики пальцев,
не касаясь лица, считай их, опадающие мгновения,
от первого снега – до солнцестояния,
только не спи)

[En Annan Morgon Raga]

нет смысла в повторении бытописания очередного лазаря,
помноженного на дождевых червей, воспитанных телом его,
бежавшего из лазарета в свет, когда темные дни
приходили на смену темной ночи и даже дальше:
блуждающие палестины твоего разума, восторженные воины,
пирующие в яблоневых садах на мусорных кучах
день – в – день солнцестояния, снежной пыли, легкого
озноба, когда смотришь на стены и видишь стены и стены.
и город пьет своё небо своими дождями.

[ведомость учета ландшафтов]

Вневременность бремени выдоха, экс-
Территориальность ландшафта, неладные твои косы,
Режущие стебли по живому в тот миг,
Когда водой – к горлу, когда, если память, то к дождям,
Суламифь?
Но снег.
Погода: ветер, гололед.
Разрозненность следов в уставшем парке
Как по паркету – слом, по памяти, в бумаге,
Где складываешь лоскуты от плащаницы.
Глазницы все еще незрячи.
Всеведающий слеп и глуп, как тать,
Как против слова в поле полем
И по полям бегущая строфа:
Здесь от грозы до вдоха – шепот пыли,
От влаги до зори – туман.
Твои слова: начала, морок.
Твой город – весть,
Но все еще взыскуем продолжения
И тискаем кривые горизонта.

[...]

Галактическая дыра
Вневременного твоего молчания о частностях,
Размытые границы, краски спектра, чаще грешащие красным —
Так отмечается волна отступления... отступление
Волны, капитуляция. Нам —
Прочие кажущиеся диссонансы:
В каплях, в казуальном Эхо, в эго,
Наступающем на пятки плоскостей настоящего.
В звуке.
Прочее – шум.

[оратория мерзнущих мочек]

миметис-мемет\на мимике отстранения сухого остатка,
в торбу скарб высыпать
как старик,
в страхе отступающий от границы – вглубь
материка/
океана/
оврага/
овина/
и моя голова повинна в сечении
если не золото'м, то изрядно
отдающем картавым эль
слюды, ро'дная...
следствие усечения —
непостижимость края
нелестной услужливости
ацефала,
взыскующего шляпы
об эту пору крестителя/
вора...
свора святого растяпия
растянута от платяного
занавеса спасителя = [равно] до
рова
(О)
Я не увижу ни
холода, ни
слова доброго.
единого.
одного.
в секунду лишнего
неугодного
благоразумия.

[наброски к тезисам об озимых и животноводстве]

и только над городом. и только
над
городо
городить границами
пунктиры,
отточия,
переносы.
империя, начиная с красной строки,
за щекою
хранит
пулю...
расписываясь в собственной любви
к человеку,
к многочисленности вопросов
об излишестве
жития, выпрастанного вовне
(железный город в корчах, в огне,
исчезает в окне/в окопе/в отбросах)
любую другую
любовь любо беречь,
но не к твоим
прижизненным лаврам,
сентиментальным увечьям, литаврам,
тиранам и встречам
рабочего и капитала...
над горизонтом несло копотью
в окно колотило метелью,
металлом,
нестройным прочим.
религиозный озноб,
экстаз единения с нацией, впрочем,
будучи даже изрядно побитым молью,
зае...

[палестинская бородатая рыбина или черные полковники на папертях]

Вежа (о) звери:

Мальчики, зубами и членами рвущие время на части,
Девочки-частности, давящиеся настоящим.
Фюрер бредит музыкой и архитектурой
В их руине; мои спичечные скульптуры
Выгорели.

Сентиментальная мерзость, лубок
Немудреной изжоги в миниатюре,
Складной, состряпанной по фигуре
В два полюса: желчи и сахарной ваты
Раздвоенность мимикрии, посаженной на кол.
Ты – моя голубка, я – твой голубок.

В том бессловесная небесная Монголия,
Где толпы внутреннего выгорания,
Сношения не_лепости перстом камлания
В зеркалах отражаются не то тризной кирзовой, не то
инквизицией...
В равной мере портящих экспозицию
Пернатой обездоленности оратории.

Дрязга,
Я от яблоньки куцей косточки отплясывал.
Все едино: в чалме ли, в рясе —
В сердцевине положен трепет сердечной мышцы, кишок – то же.
Т.е., своего рода схожесть. Пусть нутром, не рожей.
После – тоска.

[man among the ruins]

...ко времени отсутствия тебя в пейзаже, кроха,
когда маленькие солнца, выпекаемые всухомятку
на лодочках бездомных ладоней, хранящих тепло выдоха/вдоха,
дыхания, прикосновения к летнему камню города, к груди под
майкой,
и весеннее равенство, равномерное, равновеликое,
как возможность наблюдать движение льда в июне
(наши последовательные шаги друг от друга, чужое
преодоление спеси, сумятицы, притяжения. Скуки)
сливаются всхлипом заблудившегося в океане,
где ни китов, ни суши, ни – горизонта...
и это, пожалуй, самое страш/нное/иное,
если верить точке отсчета пилота
идушей ко дну субмарины/снаряда/зонда.
я не вижу ни космоса, ни вершины. Поле.
отсюда и дальше – насколько хватает взгляда.
дистиллят не слезы, но дождя, и кроме
ничего. Геенны ли, горнего сада.
Отсюда сама идея ада смыкается пустотою.

Там, где нас не останется, станут пустыни, дюны,
Там, где мы упокоимся – там прорастем травой —
Бессловесный, первый придет огонь – звездой,
И упадет в наш лес, зияющей раной. руной.

[ДИПТИХ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДКИ]

i/

Возвращаюсь из варваров.
Тонкая кожа
Цивилизации
Не лопается под острием взгляда.
Еще есть, к чему стремиться —
Каплями пота на лбу
Выступает прошлое,
Скользит по щекам, размывая перспективу:
Точно мутное стекло между мною
И миром
Там, вовне,
Где так много огня.

ii/

Разными цветами день мазали,
Собирали горстями.
Гостей привечали, приветливые...
Вот только отвечали всегда невпопад,
И глядя как будто мимо.
Несовершенно —
Тихий, холодный чай.
Голодно. Над городом – пыль.
Время сияния, но небо ненастно.
Разбирая скоропись капель в ладонях,
Упускаю твои отражения.
В минувшем – чуждые знаки.
Слова.

[рага попутного ветра]

тени тлен
по капле в купели пепла
и в скатерти-на_изнанку
выдавливать из оконечников
памяти точно
татлин тот
крыльями с башенок окрестился,
крысонька
да и я спросонок
газоньки отворяя
вне гляделся,
где – белы'м бельма рисовать,
пока
каплет в донышко
глазок, детонька,
точкой ставших
и ручёнкой в окошечко
тонко купели звати
от осени – к паводкам,
там кранов маковки
тонут,
тем карты край
картаво
разлинован вдоль вен
устья.
весне пусто
от слога талого,
от пущенного рукою твоею кораблика
к краю без моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.